

М. И. ЗЕВАКИН И А. К. ИМЯРЕКОВ**ПЯТИЯЗЫЧНЫЙ „ИНОРОДЧЕСКИЙ“ СЛОВАРЬ 1785 г.**

В 1784 г. Екатерина II разослала во все епархии Российской Империи рескрипт о составлении словарей языков инородческих народов, обитающих в этих епархиях.

И в Нижегородскую епархию был прислан такой рескрипт, в котором говорится: „Преосвященный епископ Нижегородский Дамаскин! Считаю: что в Нижегородской Семинарии преподается учение языков разных народов в Епархии вашей обитающих, Я желаю: чтобы ваше преосвященство доставили мне Словарь тех языков с Российским переводом располажа оной по алфавету российских слов и сверх письмян оных народов написав по российски каждое слово, как оное произносится. Пребываю впрочем вам доброжелательная. Екатерина“.

Подобными меропритиями Екатерина II думала собрать достаточный материал для составления словаря языков всех народов, обитающих в России. Однако такой словарь был составлен только по Нижегородской епархии под названием: „Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих“.

Вопрос о научном значении и о местонахождении этого словаря не освещался в специальной литературе, и этот ценнейший материал оказался вне сферы внимания исследователей. Более того, рукопись словаря считали утраченной, что видно хотя бы из статьи „Дамаскин“ в „Русском биографическом словаре“ А. А. Половцева (СПб., 1905, т. „Д“, стр. 53), где сказано: „Кроме утраченных его сочинений «О следах славянского языка в писателях греческих и латинских», «Словаря инородческих языков» и «Библиотеки Российской», остальные все его сочинения были изданы при его жизни“.

И только сейчас словарь вновь обнаружен Мордовским научно-исследовательским институтом, который снял копию русско-мордовской части для издания ее. Однако желательнее было бы издать словарь полностью.

Пятиязычный „инородческий“ словарь был составлен на русском, татарском, чувашском и удмуртском языках. По русскому словнику он должен был охватить до 12000 параллельных слов каждого „инородческого“ языка. Однако в ходе составления словаря количество слов для отдельных языков оказалось неодинаковым. Наиболее полным представлена лексика мордовского языка, затем чувашского и татарского.

Транскрипция для всех языков была принята русская, потому что, как пишет Дамаскин, „упоминаемые народы Нижегородской епархии обитающих, не имеют собственных своих письмян и букв, то и слова их в сем словаре писаны Российскими буквами; татаре же Нижегородские, хотя и употребляют в своем письме буквы арабские, но токмо те, кои обучались у Казанских татар, каковых весьма мало здесь между ими сыскать можно. А прочие все татары пишут и мысли свои на письме

сообщают по большей части Российскими письменами. Для того и в сем словаре все их слова изображены Российскими буквами, так точно, как они их выговаривают“.

Подлинная рукопись словаря состоит из двух томов, в кожаном переплете. В первом томе 519 листов (1038 стр.), он содержит слова русского, татарского, чувашского и мордовского языков, а во втором — 373 листа (746 стр.), он содержит слова русского, марийского и удмуртского языков.

В наше время, в период расцвета и дальнейшего роста национальных культур по форме и социалистических по содержанию, издание словаря, помимо общенаучного филологического значения, будет иметь также большое значение в деле практического усовершенствования и обогащения литературных языков бывших бесписьменных народов Поволжья. Для исследователей татарского языка практическое значение словаря заключается в том, что в связи с переходом татарской письменности с арабского на латинизированный, а затем на русский алфавит облегчится дело усовершенствования русской транскрипции для передачи татарских звуковых особенностей, так как лексику „инородческих“ языков очень важно передать точно так, как воспринималось произношение народного языка.

Все слова на всех языках в рукописи приводятся с ударениями, что еще более увеличивает ценность словаря, так как в некоторых языках ударение уже переменило свое место. Например, ударение в мордовском (эрзянском) и удмуртском языках в словаре показано только на 2-м слоге, в современном же мордовском оно не имеет определенного места, а в удмуртском находится на последнем слоге. В словаре делается попытка оттенения различных диалектов татарского и мордовского языков (диалекты казанских татар, нижегородских татар „мишарей“, пензенский диалект мокша-мордовского языка).

Словарь полностью опровергает реакционное положение нижегородских краеведов, которые считают, что язык горьковских татар „мишарей“ не соответствует татарскому, а скорее финскому или иному конгломерату языков. „Язык их, — пишет Дамаскин, — немного чем разнится от Казанских татар языка, и в чем имеем отмену, то показано в сем словаре под теми же словами, кои не сходствуют с языком Казанских татар“. Расхождение некоторых слов в языках казанских и нижегородских татар „мишарей“ объясняется заимствованиями из языков: мордвы, чувашей, марийцев и др., т. е. тех народов, с которыми горьковским татарам больше всего приходилось соприкасаться. Но преобладающее место в словаре уделено диалекту казанских татар, так как приведено около 10 000 слов.

Следует отметить, что Дамаскин весьма глубоко и проникательно изучал каждый из приводимых языков. Например, в отношении чувашского языка в его время господствовала теория принадлежности этого языка к группе финских языков. По этому вопросу Дамаскин пишет следующее: „Чуваши напрасно считали одноименными с финнами. Напротив, они соплеменники татар... Достаточно заглянуть в их и татарские языки, чтобы убедиться в одинаковом происхождении этих двух народов. Между тем в мордовском языке замечается более сходства с русским, нежели с чувашским. Далее, многие обычаи и верования мордвы подходят гораздо ближе к славянским, чем к обычаям и преданиям так называемых соплеменников их чуваш“.

Кроме филологической ценности, словарь имеет значение и для этнографов и историков СССР, так как в предисловии даны развернутые этнографические описания народов Поволжья того времени, а на основе утраченных в настоящее время из разговорного языка, но употребляв-

шихся в XVIII в. ряда слов для названия орудий войны, гражданских и военных сооружений, предметов быта, религиозных верований и т. д. можно ярче и полнее воссоздать картину далекого прошлого народов Поволжья. Например, вышли из употребления такие эрзянско-мордовские слова, как: *цяв* 'работа' теперь *робота*; *ишемь* 'верблюд' — *верблюд*; *мурдовачкас* 'воз' — *улав*; *ченьке* 'вино' — *вино*; *уре* 'раб' — *раб*; *кодес-леси* или *сатме* 'мир' — *миряма*; *турма* 'война' — *война*; *пукштурды* 'воин', 'солдат' — *воин*, *солдат*; *тор* 'меч' — *меч*; *пядымо тарка* 'пристань', 'порт' — *пристань*, *порт*; *варма* 'погода' — *погода*, *уше*; *вайда* 'гора' — *пандо*; *валькс* 'монета' — *монета*.

Работая над составлением словаря, Дамаскин думал, что он будет опубликован и будет иметь не только научное, но и практическое значение в деле просвещения „инородцев“ на их родном языке. Отсылая в семинарскую библиотеку словарь, Дамаскин писал: „отсылается в семинарскую библиотеку с тем, чтобы с прочими семинарскими книгами хранилась и в вечные годы, яко достопамятный монумент...“.

Дамаскин очень много сделал для просвещения „инородцев“ того времени. Будучи епископом нижегородским, он ввел в духовной семинарии преподавание татарского, чувашского, мордовского и марийского языков; составил мордовскую грамматику, собирал материал для задуманного Екатериной II сравнительного словаря всех языков и наречий, сообщал переводы образцов на языках татарском, чувашском, мордовском, марийском и др.

Дамаскин много сделал для русской науки и просвещения второй половины XVIII в. Либерал, чуждый узости религиозных взглядов, борел за науку, народное образование и экономическое процветание своей Родины, Дамаскин принадлежал к числу передовых людей своего времени. За гуманизм и вольнодумство Дамаскин был отправлен (вернее заточен) в 1793 г. в Московский Покровский монастырь, где умер в 1795 г. во цвете творческих сил, на 53-м году своей жизни.